

От редакции. В предыдущем выпуске журнала был опубликован ряд материалов по поводу проекта федерального закона о реорганизации Российской академии наук. Связанные с этим проблемы были емко изложены в опубликованном «Открытом письме Президенту РФ В.В. Путину академика Ж.И. Алферова». Как известно, в ходе дальнейшей проработки законопроекта по целому ряду острых вопросов удалось достичь компромисса. В сентябре закон был принят палатами Федерального Собрания и подписан Президентом РФ. Согласно этому закону, учреждено Федеральное агентство научных организаций (ФАНО), которое должно стать структурой, управляющей академическим имуществом. Сформирована рабочая группа по разработке положения об агентстве, в которую вошли представители РАН, Госдумы, Совета Федерации и Минобрнауки. Проект положения вынесен на общественное обсуждение. Концептуальные аспекты организации деятельности реорганизуемой Российской академии наук требуют тщательного учета высказанных в ходе состоявшихся дискуссий мнений. Среди них высокой аргументированностью отличается статья заместителя директора Института системного анализа доктора экономических наук, профессора А.Н. Швецова «Российская академия наук — объект разрушительных реформационных преобразований», опубликованная в «Российском экономическом журнале», №4, 2013. Несмотря на то, что предложения были сформулированы автором до принятия закона, ряд их, особенно в заключительной части статьи, имеют важное значение в развернувшейся работе по реализации закона. Эта часть статьи А.Н. Швецова воспроизводится ниже.

Швецов А.

Российская академия наук — очередной объект разрушительных реформационных преобразований

4. Скандальный федеральный законопроект — приговор не только РАН, но и российской фундаментальной науке

В завершение настоящих размышлений о судьбе российской академической науки хотелось бы непосредственно высказаться по этому правительственному проекту («О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»), под занавес весенней сессии-2013 принятому Госдумой во втором чтении. Весьма вероятно, что он скоро обретет силу закона, и все рассуждения на сей счет вроде бы приобретут чисто исторический интерес. Не исключено, однако, что этого по каким-то причинам не произойдет и что будет при-

нято решение о кардинальной переработке законопроекта или даже о принятии принципиально иного правового акта по проблемам реформирования РАН. И в том, и в другом случаях потребуются экспертные оценки и предложения, а значит, соображения по существу данного более чем спорного документа могут оказаться бесполезными.

Экспертируемый вариант законопроекта, обнародованный по итогам его второго чтения в Думе, по легко прогнозируемому содержанию своих последствий для нынешней РАН не отличается от первоначально внесенного в федеральный парламент варианта. Главное: документ и в новой редакции «работает» все на ту же цель реформы — на развал Академии

как единой самоуправляемой системы посредством выделения из нее коллектива действительных членов РАН (которым, правда, и в новых условиях предстоит фигурировать под ее маркой), обособления этого новообразования от научных институтов и лишения его ответственности за организацию, проведение и результативность научно-исследовательской деятельности, осуществляемой в сети нынешних академических учреждений.

Все рассуждения о «новой роли» РАН суть ничем не подкрепленное пустословие, ибо она не наделяется полномочиями и ресурсами для решения даже тех задач, которые формулируются в рассматриваемом законопроекте. Академия превращается в «клуб по интересам», лояльное поведение которого обеспечивается серьезными мерами вмешательства в его внутренние дела.

Слияние трех академий превратит общее собрание в неработоспособный, легко управляемый орган уже хотя бы ввиду отсутствия внутреннего исторически сложившегося единства между тремя составляющими его участниками и в силу их связанности с различными вышестоящими органами (аграрии, как известно, «курируются» Минсельхозом, медики — Минздравом, собственно «рановцы» — Минобрнауки России). А сама РАН в новом виде превратится в полностью подотчетную исполнительной власти малоавторитетную структуру (причем, скорее, даже не правительственную, а ведомственную). Она потеряет свой общегосударственный статус, утратит возможности проведения более или менее независимой экспертизы; ее отрыв от собственных институтов сделает проблематичной обоснованность выборов новых членов и повысит вероятность попадания случайных людей по протекции чиновников.

Все это очень быстро приведет также к снижению международного авторитета РАН, и ее перестанут рассматривать в качестве репрезентативного агента российской науки на международной арене

Принятие законопроекта в правовом смысле будет означать ликвидацию существующей РАН; согласно элементарной логике, должны исчезнуть и члены ликвидированной организации (академики). Однако документом предусматривается созыв некоего общего собрания, состоящего неизвестно из кого и в неизвестно каком количестве; кроме того, не сообщается, в каком порядке этот орган станет функционировать, как ему предстоит принимать устав (который, собственно, и должен определять, кто такие суть академики и в каком порядке они должны собираться). Подобная антилогика и пренебрежение юридической корректностью, по-видимому, свидетельствуют не столько о низком профессионализме авторов законопроекта, сколько о том, что вопрос образования новой Академии, с их точки зрения, — второстепенный. А главное для них — организационное разъединение РАН как субъекта управления (общего собрания, президиума, аппарата) и научных институтов как объекта руководства.

При этом участь отечественных фундаментальных исследований и научных организаций, в которых они проводятся, может оказаться даже более плачевной, чем самой РАН. Данный прогноз базируется на следующих двух группах соображений. Соображения первого рода касаются того, что резкие изменения в нынешней (реформируемой) системе сами по себе наверняка приведут к сбоям в реализации всех функций обеспечения ее жизнедеятельности — в финансировании, материально-техническом снабжении, техническом обслуживании, в выполнении

договорных работ, заключении новых контрактов и т.д. Бюджетное финансирование не будет открываться до тех пор, пока не прояснится ситуация со статусом институтов; но и обретение статуса не приведет к немедленному открытию финансирования, ибо оно подчиняется еще и своим, специфически бюджетным, правилам и процедурам. Печально, что авторы документа не прописали никаких переходных мер, обязательных при проведении подобного рода радикальных преобразований.

Далее, дисфункция неизбежно усугубится намечаемой законодателями градацией институтов, т.е. проведением проверок, работой комиссий и прочими мероприятиями с последующим применением организационных мер. С точки зрения степени болезненности их последствий в выигрышном положении окажутся институты, которые подпадут под немедленную реорганизацию (ликвидацию). Институтам, переподчиняемым другим ведомствам, предстоит тяжелый период поиска места в новых структурах и решения вопросов финансирования, материально-вещественного обеспечения, взаимоотношений с новыми вышестоящими организациями. А на долю оставшихся институтов выпадут аттестации, структурные изменения, перетряхивание кадров, рост напряжения в трудовых коллективах и т.д., и т.п., причем все это затянется на неопределенно протяженный период. Понятно, что наиболее активная, работоспособная и востребованная часть исследователей и персонала, обслуживающего сложные технические устройства, постарается найти себе другие места работы, ибо в подобных условиях не будет смысла терять лучшие годы (коих и так немного в научной жизни), и что молодежь вряд ли обретет в описываемой ситуации какие-либо стимулы для выбора научной стези.

Сюда примыкают еще несколько легко прогнозируемых коллизий, почему-то вообще не упоминаемых при обсуждении спроектированной реформы. Речь идет прежде всего об утрате работниками институтов ранее весьма престижного статуса сотрудника Академии наук. Хотя этот статус сильно поблек в постсоветский период, он все-таки отчасти компенсировал и невысокие зарплаты, и далекие от международных стандартов условия научного труда, и прочие негативные моменты, а также оставлял надежду на радикальные улучшения в принципиально значимой для страны организации.

Еще «нюанс»: пресловутое «избавление от балласта возрастных работников» чревато размыванием особенной академической культуры общения, утратой специфических взаимоотношений и способов обеспечения профессиональных честности и репутации.

Таким образом, утверждение пореформенной научной системы начнется «на пустом месте» – без истории, традиций, опыта старших поколений, что «синергетически» наложится на упомянутую обстановку финансовой, материальной и организационной неразберихи. А ведь такого рода стагнационные ситуации крайне благоприятны для авантюристов, карьеристов и прочих проходимцев, в них зачастую торжествуют наглость, подлость, ложь, предательство, лицемерие – все то, что категорически противопоказано поддержанию нормальной научной среды. Если наше общество в целом до сих пор психологически не может полностью восстановиться после «лихих 1990-х», то особо «деликатная» научная его страта, уже пострадавшая сильнее прочих, теперь еще и обретает описанную удручающую перспективу. Не стоит, кстати, забывать трагический прецедент Германии: немецкая наука, занимавшая в первой трети

прошлого века лидирующие в мире позиции, после гитлеровского погрома так и не смогла вернуть свое лидерство, несмотря на выдающиеся успехи в политическом и экономическом развитии страны.

Вторая группа опасений в отношении не только развития, но и самого существования фундаментальной науки в России связана с тем, что реформаторы не предъявили абсолютно никаких доказательств того, что результаты реформы окажутся позитивными. Ее обоснование «без остатка» сводится к вышеупомянутому упреку в неэффективности РАН, но не прозвучало ни слова о том, по каким конкретно причинам новая система организации науки окажется лучше ныне действующей. Можно сколь угодно долго спорить о том, способны ли в принципе академики эффективно управлять научной собственностью, но, будьте добры, докажите, что «новый федеральный орган исполнительной власти», функции и статус которого в законопроекте не прописаны, станет распоряжаться этой собственностью рачительнее.

О том, как фактически осуществляется управление государственной собственностью в целом, мы имеем возможность наблюдать уже более 20 лет: по сути нет примеров эффективного ее задействования в общенациональных интересах¹. Мягко говоря, сомнительность утверждения, согласно которому «новый орган» будет использовать госимущество эффективнее, нежели существующая РАН, усугубляется в контексте нормы о передаче ему «ведения» всеми институтами (пункт 9 статьи 18, главы 6 законопроекта), т.е. о возложении на него ответственности не только

за эффективное распоряжение собственностью, но и за научные исследования. Какими, риторический вопрос, ресурсами, в первую очередь интеллектуальными, может обладать пресловутое «агентство» для обеспечения эффективности научных исследований хотя бы на прежнем уровне?

Трудно уйти от предположения, что такое вообще не собирается заниматься организацией научных исследований. После того, как закончится эпопея разделения институтов на три категории, агентство проинвентаризирует собственность первых двух из них и изымет выявленные «излишки». Затем институты, оставшиеся в сфере РАН, будут переданы университетам по профилям: физические – МФТИ, МИФИ, МГУ и МЭИ, химические – МГУ и некоторым другим, обществоведческие – НИУ «ВШЭ». Сибирское отделение РАН волеется в НГУ, Дальневосточное – в ДВФУ (камни острова Русский заждались своего интеллектуального обрамления!) и т.д. Хотя реальным следствием этого маневра станет исчезновение исторического феномена РАН, можно будет распиарить на весь мир невиданные темпы развития университетской науки!

Таким образом, реализация рассматриваемого реформационного законопроекта приведет к краху российской фундаментальной науки как целостной государственной системы. В лучшем случае она окажется сильно сжатой и фрагментированной; может быть, сохранятся ее отдельные очаги – в некоторых университетах (к примеру, мехмат и физфак МГУ) и в оборонно-промышленном комплексе. Она все в большей мере станет трансформироваться в науку прикладную, ибо для успешного развития фундаментальных исследований необходима особая интеллектуальная и организационная среда, способствующая свободному выдвижению и обсуждению научных проблем; «оборонка» же в отсутствие РАН

¹ Шокирующие новейшие примеры ее использования в интересах прямо противоположных приведены, в частности, в статье: Дмитриева О. Особенности управления государственной собственностью в Российской Федерации // Российский экономический журнал. – 2013. – №2.

обеспечить такую среду, конечно, не сможет. Прогнозируемая эволюция системы будет усугубляться уходом и отъездом за рубеж активной и работоспособной части исследователей, включая молодежь, утратой академических традиций и культуры, замещением уходящих ученых авантюристами, карьеристами, проходимцами и прочей человеческой «пеной», неизбежно всплывающей в периоды безвременья и смуты, провоцируемые широкомасштабно-разрушительными реформами.

5. Резюмирующие выводы и рекомендации

Главные из них, адресуемые лицам, принимающим государственные решения в сфере научного развития нашей страны, сводятся к следующему. Не следует обожаемо и завистливо смотреть на «Запад» и стремиться слепо, без ясного понимания достоинств, и, главное, недостатков, заимствовать чужую, в частности американскую систему организации науки. Такой подход неминуемо усугубит ситуацию: свои собственные проблемы умножатся серьезными изъянами зарубежной системы, которая при всем великолепии ее фасада сама испытывает непростые трудности. Единственно разумными стали бы

усилия по сохранению и развитию (разумеется, вовсе не игнорируя зарубежного опыта) уникальной отечественной научно-исследовательской сферы, принципиальные отличия которой от западных моделей выступают отнюдь не ее недостатком, а важнейшим конкурентным преимуществом. При этом принципиально важно нацелить российскую науку на увеличение ее вклада в развитие, прежде всего российской экономики, российской промышленности, российских наукоемких отраслей. И нельзя вслед за попытками копировать чужие формы организации научной деятельности отдавать безусловный приоритет и публикации научных результатов в иностранных журналах; об отечественных научных достижениях следует писать на русском языке и в отечественных изданиях, а если эта информация вызовет интерес за рубежом, то сами пусть переводят нужные статьи на английский, как это практиковалось в прошлом.

В заключение остается лишь воспроизвести заголовок настоящей статьи и вслед за многими другими экспертами призвать общественность к адекватной реакции на очередную готовящуюся геростратову акцию.